



КАТЕРИНА ЗВЕРЬ

ТИГРОВАЯ ЛИЛИЯ



МОСКВА

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
3-43

Иллюстрация на переплете художницы *DAFAQ*

Зверь, Катерина.

3-43 Тигровая лилия / Катерина Зверь. — Москва :
Эксмо, 2026. — 448 с.

ISBN 978-5-04-215976-3

Когда в городе Ямарре начинают находить растерзанные тела, шпионка и воительница Джемая берется выследить неуловимого зверя. Ее единственная зацепка — отряд загадочных охотников во главе с Алар-Аглешем, который слишком вовремя предлагает свои услуги горожанам. Но чем ближе она подбирается к истине, тем яснее понимает: в лесу рыщет не просто монстр.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-215976-3

© Зверь К., текст, 2026
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

Глава I

Небо над Ямаррой, белым городом на берегу Эхейского моря, заволокло черными тучами. И все сразу стало серым — и просторные террасы, тянущиеся вдоль скал, как ласточкины гнезда, и многочисленные лестницы, выходящие между ними, и стены домов, разогревшиеся на утреннем солнце. Посерели фонтаны, и прозрачная вода превратилась в жидкое серебро, посерели статуи, тянущие руки к заливу, и голубой шелк морской воды превратился в серое рубище нищего.

Этим утром город плакал — и небо плакало вместе с ним.

Сменив повседневные белые одежды на траурные серые, город плакал о семье кожевника Ведхира — истерзанное тело его маленького сына Мехди принесли собиратели фруктов. На рассвете Мехди вместе с другими мальчишками отправился в предгорья; в этот ранний час птицы просыпались и вылетали из гнезд, чтобы напиться росы и набить опустевший за ночь желудок, и ямаррские мальчишки пользовались этим, чтобы набрать яиц. Когда солнце поднялось высоко, все товарищи Мехди вернулись в город, и лишь семья кожевника так и не дождалась своего сына.

А к полудню по Ямарре пронеслась печальная весть: собирательницы фруктов, возвращавшиеся из

леса, наткнулись возле ручья на изувеченный труп ребенка, и только по браслету на левой ноге смогли понять, что перед ними — пропавший Мехди.

Никто из перепуганных женщин не осмелился коснуться тела; один старый Нерим, единственный мужчина, охромевший воин, давным-давно оставивший службу, оказался достаточно крепок духом, чтобы завернуть мертвеца в собственный плащ и отнести в город.

Услышав о случившемся, к дому кожевника сбежались соседи, и вскоре улица огласилась скорбным плачем — громко рыдала Эле, жена кожевника, горько рыдали ее мать и сестры, и другие женщины, собравшиеся возле дома. Мужчины же в большинстве своем угрюмо молчали, старики печально качали головами и перешептывались промеж себя. Испуганные дети жались к матерям, глядя на лежащий на земле сверток, пропитанный кровью.

Словно проникнувшись общим настроением, заплакало и небо — серые тучи роняли скупые слезы на белые камни, и воздух стал гуще и как будто тяжелее. Но дождь все не начинался — небо как будто не торопилось разгонять собравшихся, уважая их горе. Как старый, многоопытный священнослужитель, оно смиренно давало семье кожевника попрощаться с сыном, не давая воли собственным чувствам и не укоряя охваченную отчаянием Эле за те слова, что бросала в небо эта бедная женщина, позабывшая себя от боли и гнева.

— Нужно похоронить его до захода солнца, Ведхир, — проговорил Нерим, коснувшись плеча кожевника. Хромой старик оставался единственным, кто не поддавался ни гневу, ни горю, — прослуживший в город-



ТИГРОВАЯ ЛИЛИЯ



ской страже многие годы, Нерим повидал достаточно крови, чтобы перестать бояться ее, и достаточно смерти, чтобы разучиться переживать из-за нее. — Мехди умер плохой смертью.

— Разве смерть бывает хорошей? — угрюмо откликнулся Ведхир, оборачиваясь. Нерим покачал головой:

— Не о том сейчас речь, кожевник. Уведи Эле в дом и взгляни на тело как следует.

Ведхир открыл рот, словно собираясь возразить, но осекся под холодным взглядом старого воина и отошел прочь, раздавая указания старшим сыновьям. С большим трудом обоим юношам удалось оторвать убитую горем мать от тела младшего сына. Эле долго не соглашалась уходить, но, наконец, матери и сестрам удалось уговорить ее покинуть крыльцо. Когда женщины скрылись в лавке, Нерим подошел к свертку и аккуратно развернул окровавленное полотно.

Толпа испуганно охнула, понеслись, как шелест листьев на ветру, тревожные шепотки. Одна из соседок, вскрикнув, лишилась чувств.

Ведхир опустился на корточки возле трупа, рассматривая рваные раны, и отцовское горе в его темных глазах ненадолго уступило место профессиональному интересу кожевника.

— Такие раны не нанести ножом, — сказал он негромко. — Скорее всего, Мехди задрали дикие звери, — полувопросительно-полуутвердительно добавил он, с надеждой оглядываясь на стоящего рядом Нерима. Старик не стал приседать — мешала хромая нога — и лишь снова покачал головой.

— Точно такие же раны были на теле Кери, — ответил Нерим. — И у Хеди, и у Семира. Тот, кто убил их всех, убил и твоего сына, Ведхир Веренди.

Толпа зашепталась снова — уже громче и раздраженнее. И все чаще на разные лады звучало слово «демоны».

— Хеди умерла, упав со скалы, — возразил Ведхир.

— Так нам сказала Первая мать, — подал голос один из стоявших рядом соседей, широкоплечий плотник. — Мол, Хеди упала со скалы, и ее тело изувечили падальщики.

— Смерть Кери свалили на разбойников, — добавил второй, молодой и загорелый рыботорговец. — Якобы они напали на него по дороге в лес и убили, не найдя в кармане ни одной монетки.

— А сын несчастной Амиры как будто свалился с лошади, взбрыкнувшей после того, как ей под ноги подвернулась змея! — воскликнула одна из оставшихся женщин, пышнотелая ткачиха. — Вот только отчего же тогда труп бедолаги Семира выглядел так же, как тело маленького Мехди?!

— Демоны убивают наших сыновей и дочерей, а Первая мать закрывает на это глаза! — крикнул кто-то.

— Значит, следует заставить ее открыть их, — хмуро заявил Ведхир, поднимаясь на ноги. — Если Первой матери не хватает духу взглянуть на то, что происходит у нее под носом, пусть не закрывает глаза тем, кто достаточно смел, чтобы смотреть и видеть.

— Первая мать все видит, Ведхир, — негромко проговорил Нерим.

— Первая мать смотрит на город сверху, Нерим, — ответил кожевник. — Она не смотрит на отдельных людей, и ей нет дела до горя одного или двух горожан.

— Она смотрит на нас. И видит твою горе.

— Тогда почему же она глуха к нашим словам? — раздраженно вскинулся Ведхир. Скорбь и гнев плескались





в его душе, как морские волны, ища малейший зазор в каменной стене выдержки, чтобы вырваться наружу и обрушиться на тех, кто не успеет спастись. Слова старого калеки бились об эту стену с другой стороны, как камни, что бросают из шалости в ограду бычьего загона глупые мальчишки, и Ведхир уже набрал воздуха в грудь, чтобы выплеснуть злость и боль на голову бывшего стражника, — и осекся, наткнувшись на холодный, спокойный взгляд.

— Обернись и спроси ее сам, кожевник. — Нерим указал глазами ему за плечо.

Ведхир оглянулся и, отшатнувшись, отступил на шаг. Расступилась и притихшая толпа, освобождая пространство вокруг невысокой, крепко сбитой пожилой женщины с белоснежной косой, спускавшейся ниже пояса. Лишь трое человек остались стоять подле нее — разного роста, но в одинаковом облачении, похожем на одежды скальных охотников, пыльно-серого цвета — такого же, как тени на белых камнях.

Старая Руйо, Первая мать Ямарры, управлявшая городом с того самого дня, как был заложен его первый камень, — как давно она стояла на площади, глядя на собравшихся, как долго она слушала их гневные речи?

Когда люди расступились, на лице Руйо не дрогнул ни один мускул. Она лишь подняла руку, шевельнув пальцами, и один из «серых» подошел к свертку и присел на корточки, разглядывая убитого мальчика.

— Первая мать. — Ведхир поклонился с достаточной почтительностью, чтобы его жест не выглядел как оскорбление, однако его тон был далек от почтительного так же, как портовые ярусы города — от торговых ворот. — Ты пришла сюда без повязки на глазах, а значит, не нуждаешься в пояснениях.

— Я стара, но мои глаза еще видят, Ведхир Веренди. — Руйо кивнула.

— В пояснениях нуждаемся мы, Первая мать, — кожевник обвел рукой собравшихся. — Сколько еще слез должны пролить ямаррские матери, чтобы твое сердце дрогнуло? Как долго демоны будут убивать наших детей, прежде чем до Птичьей скалы долетят наши крики?

— На Птичьей скале всё слышат, Ведхир, — спокойно ответила Руйо, глядя кожевнику в глаза. — Мое сердце болит с того дня, как от когтей демонов погиб первый ямаррец.

— Тогда почему вы не ищете средства извести напасть?! — воскликнул торговец рыбой.

— Кто говорит, что мы не ищем, Ясул? — Руйо обернулась. — Птичья скала тратит немало сил и средств, чтобы найти способ избавить город от опасности. Но у нас слишком мало сведений.

— У нас есть четыре трупа! — крикнула ткачиха.

— Верно, — кивнула Руйо. — Но четыре трупа — это *всё, что у нас есть*. На них всех — одинаковые раны, но стали ли они причиной смертей или кто-то поживился свежим мясом уже после? Если однажды поутру садовник увидит, что ветви яблонь сломаны, кого ему следует проклинать? Сильный ветер, налетевший с моря, соседа, решившего поживиться плодами, или посланника, что остановился у колодца попить воды и не заметил, что его кобыла надумала подкрепиться спелым яблоком? Садовник проклянет ветер — и ветер опрокинет чужую лодку, садовник проклянет соседа — и семью того унесет болезнь, садовник проклянет посланника — и лошадь под ним оступится и сломает ногу; и что будет делать этот человек потом, если ока-





жется, что ветви сломались сами, не выдержав тяжести яблок? Не имея достаточно сведений, я не хочу пускать ложные слухи. То, что говорят на Птичьей скале по поводу предыдущих смертей, — это то, что мы знаем наверняка. Мы могли бы найти сотни виновных по своему усмотрению, но какой от этого прок? Если назначить виновными разбойников, вы начнете подозревать всякого, кто прибывает в город по торговым делам. Если назначить виновными диких зверей, вы начнете истреблять их без счета. Если назначить виновными демонов, вы начнете истреблять всех, кто покажется вам одержимым. Кто поручится, что в погоне за демонами не пострадают невинные? Кто поручится, что сердца горожан настолько чисты, что никто не назовет «демоном» старого должника или давнего обидчика?

Люди зашептались, переглядываясь. Никто не желал сознаваться в том, что слова Первой матери отозвались в его душе, но всякий ждал, что кто-то другой сознается в этом.

— Я живу на этом свете достаточно долго, — Руйо обвела глазами собравшихся, — и повидала достаточно разъяренных толп. Я не дам ямаррцам резать друг другу глотки, пока мы тщетно гоняемся за теньями, убивающими наших детей. Мы ищем, Ведхир. — Она перевела взгляд на кожевника. — Мы ищем. И мы найдем. Твой сын, как и все прочие, будет отмщен. А пока похорони мальчика как положено. — Вытащив из кармана кошель, туго набитый деньгами, Руйо протянула его Ведхиру.

Кожевник раздраженно вздохнул, но спорить не стал. Слова Первой матери остудили самые горячие головы, но раздражение толпы теперь напоминало по-

хлебку в котле, переставленном на тлеющие угли: перестав выкипать, она, тем не менее, не остыла до конца и грозила вскипеть снова, если случайный ветерок раздует эти угли как следует. Повисшая тишина не принесла облегчения — сгустившийся воздух давил на плечи, и в безмолвии его тяжесть ощущалась особенно остро.

Забрав кошель, Ведхир подошел к свертку, угрюмо зыркнув на сидящего на корточках охотника. Тот, почувствовав чужое присутствие, оглянулся, придерживая капюшон, и поспешно встал, отступая на пару шагов. Сунув кошель за пазуху, кожевник начал заворачивать труп в ткань. Кое-кто из мужчин принялся помогать, кто-то, напротив, отошел в сторону, не желая мешать, оставшиеся не у дел зеваки мялись на месте, беспокойно переглядываясь и не понимая, уходить им или оставаться. Слова Руйо заставили каждого усомниться в себе, но никто не знал, как доказать другим чистоту собственной души. Горе Ведхира разделяли многие, но никто не знал, как помочь ему. Близость смерти, рыщущей вокруг города, наполняла сердца страхом, но никто не знал, как спастись от беды.

Это бессилие злило, терзало, требовало выхода. Как изголодавшийся зверь, оно металось над улицей, ища поживы, силясь найти кого-нибудь, кого можно было бы назвать виновным, но тщетно — Первая мать исчезла в толпе так же тихо и незаметно, как и появилась, и три ее серые тени сгнули вместе с ней.

— Первая мать надеется заткнуть наши рты золотом, — рыботорговец Ясул не выдержал первым, озвучив витавшую в воздухе мысль. — Будто бы золотая пробка в состоянии закупорить сосуд истины! Она говорит, что на Птичьей скале слышат наши голоса, — но, похоже, ямаррские власти не больно-то желают их слушать!



ТИГРОВАЯ ЛИЛИЯ



Его возмущение никто не стал поддерживать вслух, но многие откликнулись согласным ворчанием. Ощутив поддержку, Ясул уже набрал воздуха в грудь, но тут его плеча коснулась сухая рука старого Нерима.

— Остынь, Ясул-нэ, — негромко велел калека. — Первая мать во много раз старше тебя. Она старше нас всех. Она уже была стара еще в те дни, когда я мальчишкой ступил на причал Ямарры. Она повидала многое — куда больше, чем ты или я. Утихомирь свое сердце, пока от его жара не сварилась рыба в твоих бочках. Не стоит одному повышать голос там, где прочие молчат, объятые скорбью. — Нерим указал глазами на дом Ведхира, откуда доносились негромкий плач и приглушенные голоса, — семья кожевника готовилась к похоронам младшего сына.

Ясул раздраженно дернул плечом, сбрасывая чужую руку, и, сплюнув, зашагал прочь. Сверху послышался недовольный рокот надвигающейся бури, и сомневающиеся зеваки начали расходиться, торопясь успеть домой до того, как начнется ливень. Некоторые поднялись в дом Ведхира, решившись предложить помощь — а может, и надеясь урвать кусочек на поминальной трапезе.

Нерим взглянул на небо и усмехнулся ему, как давнему другу.

— Вот бы еще на пару минуточек хватило твоего терпения, — проговорил он негромко, — чтобы хромой старик успел добраться до своей лачуги!

Над крышами сверкнуло. Нерим постоял, прислушиваясь, — гром донесся не сразу. Подсчитав что-то в уме, старик удовлетворенно кивнул.

— Успею.

И, усмехнувшись, поковылял вниз по улице.

Глава II

Дождь накрыл бухту прозрачно-серой пеленой, и белые камни, промокнув, потемнели до светло-серых. С крытой галереи, протянувшейся на нижнем ярусе Птичьей скалы, Ямарра напоминала старую ритуальную чашу, вырезанную из камня и когда-то покрытую росписью, но теперь облупившуюся и растерявшую былую красоту. Цветные крыши домов и торговые навесы, паруса рыбацких лодок, переживавших непогоду у пирса, сады, разбитые на крышах и площадках, — все это сквозь дождь казалось мешаниной цветных пятен, расплывшихся фресками на серых скалах.

Когда-то Птичья скала служила домом лишь многочисленным пернатым, ловившим мошкарку в воздухе и рыбу в прибрежных волнах, и, даже после того как здесь появились люди, птицы не сдали своих позиций, продолжая вить гнезда на крышах административных зданий, лепить их на стенах и балконах, прятать в каменных корзинах в руках у статуй рыбаков и виноградарей. Даже сейчас их звонкие голоса перекрывали шум дождя, предвещая скорое возвращение солнца.

Точно так же облепляли каменные стены бухты дома и рынки, склады и лавки, лечебницы и молельни Ямарры — по мере того как город разрастался, обтесывались и отвесные скалы, спускающиеся к самой воде; за годы существования Ямарра, как побег плюща, подня-





лась от узкого каменного пляжа до самого верха, отвоевывая ярус за ярусом, и постепенно каменный колодец превратился в огромный амфитеатр, где в самом низу тянулись торговые и рыбацкие причалы, а на самом верху выросли ряды торговых складов, постоянных дворов для прибывающих купцов и целый улей чиновничьих контор, где оценивали и взвешивали, меняли и оставляли в залог, собирали подати и выдавали разрешения.

Птичья скала располагалась на левом краю скальной гряды, окружавшей бухту, — острый выступ, как огромный язык, выдавался вперед, нависая над проливом. На самом краю возвышалась безликая каменная фигура, протягивающая руки к морю, словно приветствуя прибывающие суда. По ночам в ее ладонях вспыхивало яркое пламя — маяк для тех, кто приплывал в Ямарру после захода солнца.

Отсюда, сверху, в ясную погоду можно было разглядеть то, что лежало дальше каменной стены, защищающей верхние подступы к городу, — горы, окутанные зеленью лесов, широкие торговые тракты и дальние пастбища. Сейчас все это скрывала мутная завеса дождя, позволявшая увидеть разве что противоположный край бухты.

У самого начала галереи Руйо остановилась, оглянувшись на сопровождавших ее стражей в серых одеждах.

— Неид, передай Старшей тени весть о смерти Мехди Веренди, — велела она. — Саив, сообщи в канцелярию о том, что Первая мать оплатила его похороны. Пусть не тратят бумагу понапрасну.

Тени поклонились и направились дальше по лестнице, на верхние ярусы. Как только они скрылись за поворотом, Руйо перевела взгляд на оставшуюся тень и кивнула в сторону галереи: